

пусков» назовем, например, Реестр, анатомических терминов [в кн. Лаврентия Гейстера. . . Сокращенная анатомия все дело анатомическое кратко в себе заключающая (Реестр 2). Спб., 1757], Реестр медицинских и анатомических терминов (в кн. И. З. Платнера «Основенные наставления хирургические медлческие и рукопроизводные», СПб., 1761), Запись сибирских слов И. Яхонтова (в кн.: Gmelin J. G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733 bis 1743, t. I. Göttingen, 1751). Обратим внимание также на досадную

опечатку на с. 35 в фамилии автора словаря Литхена.

Русская лексикография XVIII в. до последнего времени не была объектом столь подробного библиографического описания.

Труд В. П. Вомперского, выполненный на высоком научном уровне, явится новым стимулом к всестороннему изучению словарного дела в России XVIII в., к объективной оценке его роли в развитии отечественной науки и культуры.

Петрова З. М.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

Проблема «человек и язык» приобретает в последнее время все большую остроту и актуальность в связи с решением значительного числа теоретических и прикладных задач. К первым относятся задачи методологии лингвистического исследования, соотношения общелингвистических категории и категорий мышления, выявление общих и частных закономерностей реализации языком своих потенций в актуальном акте речевой коммуникации. Прикладные задачи определены вторжением в гуманитарные науки электронной техники и необходимостью общения с ЭВМ на естественном языке. Все остальные — общие и частные — задачи являются производными от них.

Всем этим проблемам и посвящена рецензируемая книга. Ю. Н. Караулов не ставит в ней глобальных вопросов. Его задача — показать языковые аспекты в «точке пересечения» гуманитарных наук — человеке, личности. Упрекнув своих предшественников в некоторой схематизации предмета изучения (с. 5 и сл.), автор строит исследование на конкретном материале русского языка и тем самым ограничивает рамки анализа конкретным культурным фоном.

Автор исходит из двух постулатов: адекватное исследование языка возможно только при условии выхода за его «пределы», при обращении к человеку — носителю и творцу языка; анализ возможен только на конкретном национально-языковом материале.

Ю. Н. Караулов убедительно показал, что последовательное развитие этих двух идей дает возможность продуктивно решить поставленные в книге конкретные вопросы. Одним из важных среди них является вопрос о предмете анализа. Совершенно прав Ю. Н. Караулов, введя понятие «языковая личность» в метафорическом значении, как синоним понятия

«человек, владеющий языком», что освободило его от рассмотрения сложных и запутанных, часто неоднозначных толкований понятия личности, которые дает психология. Книга Ю. Н. Караулова состоит из четырех глав, которым предпослано краткое Введение и которые завершаются эпилогом. В гл. I — «Общие представления» — обоснована закономерность включения языковой личности в круг рассматриваемых языкознанием предметов. Обоснование такого включения автор видит в сравнительно близкой истории языкознания, в частности, в трудах В. В. Виноградова. Особенность научного творчества последнего состояла в том, что он всегда ориентировался на конкретные характеристики, свойства языковой личности в ее отношениях с разными проявлениями языковой деятельности. В главе разграничены три уровня изучения языковой личности. Здесь подчеркнута связь указанного понятия с национальным характером и в специальном разделе рассматривается проблема соотношения языковой личности и художественного образа, прежде всего — вопрос о том, «какой вклад в структуру и содержание художественного образа вносит речь, тексты, принадлежащие данному персонажу» (с. 70). Заключает главу опыт общей реконструкции языковой личности на базе дискурса персонажа в художественном произведении. Эта особенность его подхода значительно перерастает лингводидактические представления о языковой личности, а в некотором смысле — и психолингвистические представления.

В гл. II — «Внутри языка (вербальный уровень)» — освещена роль лексикона в структуре языковой личности и его отличие от того, что ранее изучалось под названием «языка писателя». Здесь описываются способы реконструкции ин-

индивидуального лексикона и грамматикона, раскрывается национальная основа лексико-грамматического фонда личности на примере общерусского языкового типа. Для достижения этой последней цели приводятся наблюдения над диалектной речью, детской речью, употреблением русского языка иностранцами, а также над особенностями восприятия древнерусских текстов носителями современного русского языка.

Соответственно уровневой структуре языковой личности вводятся понятия «лексикона», «грамматикона» и «прагматикона», (с. 89), которые введены вполне закономерно и в теории, развиваемой в книге, занимают важное место. Автор прав, отмечая, что внутренняя форма названных терминов содержит представление о системной организации составляющих соответствующий уровень единиц. Вместе с тем можно думать, что рядоположение уровней, обозначенных этими терминами, несколько обедняет анализ, и то, как отношения между сферами показаны в схеме на с. 91 книги, безусловно, верно, хотя объяснительная сила схемы ограничена. Как раз введение понятия языковой личности и дает богатейшие возможности для построения «сетки отношений» между сферами как специальной проблемы. Разумеется нельзя упрекать автора за то, что он не рассмотрел всего, что так или иначе связано с различными аспектами анализа структуры языковой личности. Сам по себе тот факт, что рецензируемая работа побуждает к поиску перспектив исследования, безусловно является посомненным достоинством книги.

Справедливо утверждают, что открытия возможны сегодня только на стыке нескольких наук. Монография Ю. Н. Караулова — яркое тому доказательство. В ней как бы стягиваются в один узел литературоведческие и социологические, психологические и лингвистические аспекты владения языком, что не только дает возможность поставить новые проблемы, но и по-новому осветить увлекательный внутренний — языковой — мир человека. Это — открытие мира языка в человеческой личности, в индивидууме, во всей сложности и разносторонности этого мира и в то же время в его триединстве. Ведь грамматикон, лексикон и прагматикон — это только разные грани единого механизма, управляющего речевым поведением человека, его основы.

Гл. III — «Взгляд на мир (к характеристике лингвокогнитивного уровня в структуре языковой личности)», — как пишет сам автор, «охватывает вопросы роли языка в познавательной деятельности, соотношения языка и мышления, языковой семантики и знаний о мире»

(с. 9). Становится особенно очевидным, насколько книга Ю. Н. Караулова близка по своему духу и направлению тем перспективным и интересным, на наш взгляд, исследованиям в области гуманитарных наук, которые объединяются сейчас под эгидой так называемой когнитологии. Рассматривает ли автор особую новизность текстов, анализирует ли он составляющие компоненты промежуточного мира, «защищает» ли он лингвистику, обогащенную за счет смежных дисциплин и немислимым вне изучения человеческого фактора, — он ставит и решает проблемы, относящиеся к структуре человеческого знания, к когнитивным и эмоциональным особенностям психолингвистических процессов, к моделированию того оперативного устройства, с помощью которого человек мыслит и затем излагает содержание своих мыслей. И в то же время рецензируемая работа явно выходит за пределы когнитивных наук в том виде, в каком они складываются за рубежом: широтой поднимаемых проблем и, пожалуй, что самое примечательное, привлечением к анализу литературных, художественных произведений.

Книга примечательна и в другом отношении — как дающая свой ответ на один из самых кардинальных не только для современной лингвистики, но и для науки вообще вопрос о природе человеческого творчества в сфере языка. Понятие языковой личности — это прежде всего понятие языковой творческой личности, создателя языка, раздвигающего мир другого человека, когда он расширяет пределы своего языка.

В третьей главе автор предлагает новую модель речемыслительной деятельности, реализуемой в особом — промежуточном — языке — языке мысли. Сама по себе проблема промежуточного (между языком мозга и внешней речью) языка не нова. Исследования внутренней речи, универсально-предметного кода (Н. И. Жинкин), функционального базиса речи (И. Н. Горелов) ставили эту проблему. Однако путь универсализации, «внекультурности» промежуточного языка был достаточно ограниченным, и следование по этому пути ощутимых результатов в анализируемом Ю. Н. Карауловым плане не дало. Автор предлагает свою трактовку проблемы и свою гипотезу структуры промежуточного языка: образы, схемы (в свою очередь, составленные из двигательных представлений и пропозиций), картины (совокупности образов), формулы, символы, диаграммы и, наконец, слова. Последние единицы Ю. Н. Караулов понимает, вслед за Л. С. Выготским, как «внутреннее слово» и справедливо считает, что «внутренняя речь» составляет часть, образует от-

дельные звенья общего промежуточного потока, формируемого рассмотренными . . . единицами» (с. 206). Это положение, как и другие, относящиеся к промежуточному языку, продуктивно и очень важно, помимо прочего, для понимания сущности внутренней речи.

Важность раздела состоит и в том, что он помогает поставить конкретные исследовательские задачи в области изучения способов и форм представлений знаний.

В главе IV «Место в мире (аспекты прагматики)» — объектом анализа становятся коммуникативные потребности личности, выдвигается понятие прецедентных текстов и характеризуется роль этих последних в структуре и функционировании языковой личности. Здесь проводится справедливо мысль, что сложные и противоречивые отношения знаний и значений, складывающиеся в «картине мира» языковой личности, реализуются в коммуникации. В коммуникативной деятельности (как и в любой другой деятельности человека) важнейшую роль играют мотивационные факторы. Одновременно мотивация оказывается и наименее разработанной сферой личности вообще, и языковой личности в частности. Ю. Н. Караулов пытается рассмотреть соотношение выделяемых им трех уровней организации языковой личности с тремя типами коммуникативных потребностей (контактоустанавливающей, информационной, воздейственной) и тремя сторонами общения (коммуникативной, интерактивной, перцептивной). Схема анализа может «работать» только на адекватном эмпирическом материале. В качестве такового автор избирает прецедентные тексты. По сути дела, коммуникативный опыт личности, отраженный сознанием, интерпретированный и обобщенный, оказывается частью «картины мира». Опыт, приобретенный через тексты, закреплён в тезаурусе и проявляется в ассоциативных экспериментах (ср. исследования А. Е. Супруна и А. П. Клименко, И. Г. Овчинниковой), что оказывается верным и по отношению к языковой личности, структура которой складывается из лексикона, тезауруса, прагматикона (с. 238). Анализ психолингвистических экспериментов, проведенный автором книги в четвертой главе, показал, что «введение в дискурс прецедентных текстов . . . всегда означает выход за рамки общденности . . . в использовании языка» (с. 241).

В Эпilogue «речь идет о любви каждого говорящего к своему языку» и защищается мысль о том, что любовь эта составляет «неотъемлемое свойство языковой личности» (с. 259) и заставляет обращаться к родному языку в трудных вопросах познания и объяснения мира или в реше-

нии нравственных проблем» (с. 262). Вот почему, по мнению Ю. Н. Караулова, без любви к языку «не может быть русской языковой личности» (с. 262).

Всё ли одинаково удачно в этой книге? Наверное, нет.

Подводя итоги рассмотрению проблемы соотношения значений и знаний о мире, Ю. Н. Караулов отмечает, что ему кажется «привлекательной и заслуживающей дальнейшей разработки» идея раздельного существования языкового тезауруса и тезауруса мира, идея раздельного хранения значений и знаний (с. 209). Если речь идет о практических знаниях человека (умениях, навыках и т. п.), то с указанным выше положением можно согласиться. Но что, если речь идет о теоретических знаниях? О знаниях, полученных вербальным путем и, так сказать, изначально связанных с языком? И можно ли считать, что существуют на равных правах значения, связанные с жесткими десигнаторами, с одной стороны, и значения слов номинальной лексики, которые сами созданы по языковому определению?

Самого пристального внимания в рецензируемой книге заслуживает идея промежуточного языка — языка мысли. Хочется в то же время отметить, что более строгой дифференциации требует освещение статического и динамического аспектов выдвинутого понятия. Если вопрос ставится о том, что содержится в потоке мысли, можно согласиться с тем, что мысль может формироваться и с помощью слов, но если вопрос ставится о компонентах языка мысли (в том виде, в каком они хранятся в голове человека), то считать рядоположными такие единицы, как образы, схемы и т. п., и слова представляется неправомерным. О специфике «внутреннего слова» и необходимости — при переходе к внешней речи — его замены на слово «нормальное», обычное уже писалось ранее.

Здесь же хочется подчеркнуть, что если принять предлагаемое автором сравнение промежуточного языка с листком склеенной бумаги (см. с. 186) и полагать, что на одной стороне листка записан «язык мысли», а на другой — более близкие вербальные сущности, тогда образы, схемы и т. п. останутся по одну сторону листка, а пропозиции и слова — по другую. Ясно в то же время, что известная спорность поднятых проблем — доказательство их значительной сложности.

Книга Ю. Н. Караулова, несомненно, событие в отечественном языкознании, и не только (не столько) по комплексу решенных проблем и затронутых в ней идей, сколько по перспективности исследования тех линий, которые в ней обозначены.

Кубрякова Е. С., Шахнарович А. М.